

Институт и символ в политической теологии¹

Аннотация. Статья посвящена историко-правовым аспектам политической теологии: прослеживается ее цивилизационный путь (в Новое и Новейшее время), влияние на юридическое понимание и воплощение идей, связанных с понятиями «власть», «государство», «закон». Политическая теология служит метафизическим основанием политических конструкций и институтов. Вопросы политического и религиозного пространства, их слияния исследуются через призму диалектического развития. Особое внимание уделяется символической стороне политической теологии. Категория «институты» рассматривается как совокупность корпоративных, органических и инструментальных образований, закрепляющих и фиксирующих процессы правового генезиса. Институт связан с целым рядом политических и правовых условий конкретного государства и приобретает свое юридическое значение посредством психологического присоединения граждан в силу единодушного согласия. Категория «символ» прослеживается в мифологизированном и религиозном ракурсе власти. Власть всегда, начиная с самых древних времен существования человечества, требует некоей таинственной сакрализации и поклонения. Вообще жизнь социальной группы, организованной и наделенной постоянством, т. е. представляющей собой устойчивый институт, оказывается включенной в круг символических процедур, обрядов. Большое влияние на исследование оказали фундаментальные положения М. Ориу и К. Шмитта. Что касается взглядов выдающихся правоведов (изложенных в работах «Основы публичного права» и «Политическая теология»), важно подчеркнуть их ценность для отечественной науки и практики. В сложных мировых реалиях сегодняшнего времени теории, раскрывающие постулаты популярных в России социоправа и геоправа, вызывают безусловный интерес у ученых и политиков.

Ключевые слова: юриспруденция; политология; теология; право; закон; власть; политика; религия; легитимность; институт; символ; знак; концепция; идеология.

Для цитирования: Исаев И. А., Румянцева В. Г. Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.011-020.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

* Исаев Игорь Андреевич, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
iaisaev@msal.ru

** Румянцева Валентина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
valentinorum@mail.ru

An Institution and a Symbol in Political Theology²

Igor A. Isaev, Head of the Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
iaisaev@msal.ru

Valentina G. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
valentinorum@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the historical and legal aspects of political theology: its civilizational path (in Modern and Contemporary Times), its impact on the legal understanding and implementation of ideas related to the concepts power, state, law. Political theology serves as the metaphysical foundation of political structures and institutions. The issues of political and religious areas, their mergers are investigated through the prism of dialectical development. Special attention is paid to the symbolic side of political theology. The category institutions is examined as a set of corporate, organic and instrumental entities that consolidate and fix the processes of legal genesis. The institution is associated with a number of political and legal conditions of a particular state and acquires its legal significance through the psychological accession of citizens by unanimous consent. The category symbol can be traced in the mythologized and religious perspective of power. The state power has always, since the most ancient times of the existence of mankind, required some kind of mysterious sacralization and worshiping. In general, the life of a social group organized and endowed with permanence, i.e. representing a stable institution, turns out to be included in the circle of symbolic procedures and rituals. Fundamental positions of Maurice Hauriou and Carl Schmitt had a great influence on the research. As for the views of outstanding jurists (set forth in the works "Fundamentals of Public Law" and "Political Theology"), it is important to emphasize their value for domestic science and practice. In the complex world realities of today, the theories that reveal the postulates of sociolaw and geolaw popular in Russia arouse unconditional interest among scholars and politicians.

Keywords: jurisprudence; political science; theology; law; law; power; politics; religion; legitimacy; institution; symbol; sign; concept; ideology.

Cite as: Isaev IA, Rumyantseva VG. Institut i simvol v politicheskoy teologii [An Institution and a Symbol in Political Theology]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(6):11-20. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.011-020. (In Russ., abstract in Eng.).

Понятие «политическая теология», возрожденное ровно 100 лет назад, популярно в современном политическом лексиконе. Политическая теология особо приветствуется на Западе, что актуализирует обращение отечественных исследователей к данному феномену. Сегодня России как никогда требуются четкие политические решения. Геополитическая картина нового миропорядка только начинает свое формирование, и здесь Россия должна вновь выбирать свой исторический путь — путь раз-

вития суверенного государства. Словами М. Вебера и уже в духе политической теологии скажем, что, желая покончить с дьяволом, «надо не обращаться в бегство при виде его, как обычно предпочитают делать, а с начала до конца обозреть его пути, чтобы увидеть его силу и его границы»³. Задача историков права — представить свои прогнозы, дать те инструменты, с помощью которых справедливость и гуманизм, процветание и гармония будут ощутимы для всего человечества.

² The research was carried out within the framework of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

³ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 731.

К. Шмитт, авторитет в области политической теологии, в своем одноименном произведении делает афористический посыл: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причем, например, всемогущий Бог становился всевластным законодателем, но и в их систематической структуре, познание которой необходимо для социологического рассмотрения этих понятий»⁴.

К. Шмитт ссылался на Г. Лейбница, провозгласившего систематическое родство юриспруденции с теологией⁵.

Парадоксально: в наше время юриспруденция вновь обратилась к медицине и эпидемиологии, впитывая не только их терминологию, но и посылы, оказывающиеся по своей сути политическими. Наука, уже давно претендующая на то, чтобы стать основой религии, стремится посредством радикальной переоценки ценностей сформировать новый символический универсум, закрепляя его путем создания технизированных и цифровых систем и институтов. Вместе с тем в современной юриспруденции всё еще прослеживается метафизическая тенденция слияния естественной и правовой закономерностей, когда речь заходит об отождествлении государства и правопорядка. Подобное находим еще в чистой теории права. Так, К. Шмитт упрекал Г. Кельзена в непоследовательности аргументации, когда логика чистой теории нарушается при столкновении с базовой нормой, в самом факте рождения которой просматривается явный трансцендентный импульс⁶.

Символический перенос религиозного опыта на политику осуществлялся во всех без исключения правовых культурах на протяжении многих веков. Так, религиозная идея спасения рассматривалась в качестве мотивации для создания

политического устройства, способного еще в пределах этого мира осуществить спасение. Тем самым в делящемся сакрально-секулярном дискурсе рождался феномен политической религии с твердо установленной целью. Одним из средств его достижения предполагалось право и правовое регулирование.

Со временем политика всё больше принимала на себя функции легитимации самого сакрального порядка, используя для этого всю мощь государства, не отказываясь от свойственного религиозным системам символического оформления (миф, обряд). Государственно-правовая институализация не исключила символической составляющей вероучения, придав ей только новые деперсонифицированные черты. М. Вебер пишет: «Многочисленные древние боги, лишённые своих чар и принявшие, следовательно, образ безличных сил, выходят из могил, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу»⁷.

Секулярно-гражданские и культовые аспекты политики составляли единый механизм, деятельность которого включала в себя социально-политические функции (координации, интеграции, контроля). Такой механизм и принято называть государством.

Политические и ритуальные функции трудно-разделимы, особенно на ранних этапах становления государственности. Позже они дифференцируются, вступая между собой в сложные отношения, и политическая теология подчеркивает прежде всего наличие долго сохраняющегося союза религиозных и светских политических институций и символов.

Конструируя идеальные типы господства, М. Вебер предлагал освободить научное знание от ценностей, императивно доминирующих своими идеями над политической практикой и тем самым затрудняющих выявление объективных закономерностей в плане институтов.

⁴ Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология : сборник М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 57.

⁵ Leibniz G. Nova methodus pro maximis et minimis, itemque tangentibus, quae nec fractas, nec irracionales quantitates moratur, & singulare pro illis calculi genus // Acta Eruditorum. 1684. P. 467–473.

⁶ Шмитт К. Указ. соч. С. 63–65.

⁷ Вебер М. Наука как призвание и профессия. С. 727.

Ученый указывал на инфернальный характер политики: «И первые христиане весьма точно знали, что миром управляют демоны и что тот, кто связывается с политикой, то есть с властью и насилием как средствами, заключает пакт с дьявольскими силами», которые подкарауливают его при каждом действии насилия»⁸.

М. Вебер противопоставляет демонизму в политике «этику ответственности»: «Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать “и все-таки!”, — лишь тот имеет “профессиональное призвание” к политике подлинного человека, того, кто может иметь “призвание к политике”»⁹.

Э. Фёгелин поясняет позицию М. Вебера: «Идеалы не служат оправданием ни средств, ни результатов действия»; само действие предполагает вину, когда «ответственность за политические последствия возлагается непосредственно на того человека, который делает себя причиной»¹⁰.

Инфернальные образы у М. Вебера обусловлены докисическим восприятием людьми действительной ситуации, основанной на чувственном опыте и мнении, а не на рациональных аргументах. В этих случаях образ и ощущение явно превалируют над понятийной логикой. Иррациональные элементы в символической форме заменяют алгоритмы рассуждения и доказательства. Мышление выходит за пределы рациональной аргументации, поскольку символ вносит в сознание многообразие представлений.

Демонические силы могут получать самые разные воплощения: тайных сил, вирусов и эпидемий, заговоров и ересей. Ж. Боден, разработа-

тая теорию государственного суверенитета, одновременно описал и демонологию, предлагая правоведам трактовать символические феномены, включив их в реальное правовое пространство¹¹.

Начиная с XII в. символ всё больше подчиняется императиву средневековой политики как единому принципу. Теория божественного права королей отражает теории папской теократии и римской императорской власти. У Данте Алигьери монархический принцип вырастает из некоего принципа единства бытия (сформулированного еще стоиками в качестве зародыша естественного права).

Аристократико-литургическое понятие монархии заменяется теократико-юридической идеей правления. Священная модель властвования последующих суверенов утратила, по словам Э. Канторовича, «человечность» божества, а следовательно, растворилась «квазисвященническая сущность королевской власти, предполагающая приобщенность священным таинствам»¹². Взамен ранней «литургической монархии» возникала форма, смоделированная «священным правом». Э. Канторович демонстрирует рождение из теологии юриспруденции. Когда монарх превращается в живой закон, правовая наука имитирует теологию. Так, «правовая мысль, безусловно, возоблада над духом литургии. Юриспруденция теперь ощущала себя призванной создать свою собственную, секуляризованную духовность»¹³. Сопричастность рациональному сознанию вечного закона трансформирует последний в естественный закон. (Фома Аквинский подмечал в человеке присутствие естественного закона благодаря Провидению: «Такая причастность разумной твари вечному закону называется естественным законом»¹⁴.)

⁸ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 699.

⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 706.

¹⁰ Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение. СПб. : Владимир Даль, 2021. С. 91–92.

¹¹ См.: Боден Ж. О демонии колдунов. М. : Chaos Press, 2021. 411 с.

¹² Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 170.

¹³ Канторович Э. Указ. соч. С. 175.

¹⁴ Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 90–114. Киев : Ника-Центр, 2010. С. 14.

Политический миф уводил в пространство, где политика и религия неразличимы, где рождается политическая религия. Здесь мифическая и политическая власть соединяются в личности суверена. Суверен суть власть.

Различие религии и политики заложено в институциональном различии государства и Церкви. В теологическом толковании пастырская и политическая службы несовместимы в одном лице, а в светском толковании пастырь и суверен неодинаково воспринимают свои полномочия и оба власть целиком не воплощают.

Государство придавало характер нуминозной реальности коллективной сущности, которой приписывались все свойства трансцендентного существа, призванного пробуждать в человеке «мифологическую веру», а также преданность определенной исторической цели. И всё это несмотря на бессознательные, природные силы в каждом из нас, и в первую очередь — силы механического, неорганического единения, создающие новую личность. О. Гирке отмечал наличие трех основных видов «союзной личности»:

- государство;
- корпорация;
- институт.

Однако уже само государство есть институт и сложная корпорация. С этой точки зрения государство приобретает собственную личность, составленную из сбалансированного множества разнообразных элементов, решений и действий. Несомненно, такая личность имеет символический характер.

Символическое в сфере политической теологии ярче всего проявлялось в процессах персонификации. По Э. Дюркгейму, в индустриальном обществе сакральность переносится на индивида, религиозность становится частным делом. Фундируемая сакральным символизмом солидарность невозможна. Солидарность теперь производится от разделения труда, а

право, будучи «видимым символом», может помочь понять эту зависимость¹⁵.

Символ имеет следующие черты:

- окрашен в эпические и эстетические тона;
- вызывает значимые эмоции и побуждает к действию;
- многогранен и однозначно не определен;
- связан с идеей.

Институты стабилизируют социальные процессы тайно, не утрачивая при этом своего влияния. («Высшее достижение институционального мышления — сделать институты полностью невидимыми»¹⁶.) Институт характеризуется всегда так:

- этически нейтрален (хотя порой идеологически интерпретирован);
- конкретен;
- связан с организацией.

Тело института есть коллективная организация с общностью интересов, что свидетельствует: институты — живые и объективные явления. Если закрепление идеи — социальный процесс (так рождаются политические системы), то закрепление института — интеллектуальный процесс. «Любой институт, который хочет сохранить свою форму, должен приобрести легитимность путем специфического укоренения себя в природе и в разуме»¹⁷.

Идея и институт первичны по отношению к норме. Еще до появления идеи правовой нормы в обществе уже действовали определенные обряды и процедуры, в которых было трудно выделить религиозные, юридические и социальные элементы. Единообразие и автоматизм, свойственные таким системам, были призваны обеспечить устойчивость социального целого, в структурах которого институты играли важнейшую роль.

Сакрализация политики с ее мифами, символами и обрядами придавала институтам устойчивую значимость и формировала по-настоящему реальный мир. Символические универ-

¹⁵ См.: *Gierke O. Deutsches Privatrecht. Ester Band. Allgemeiner Teil und Personrecht. Leipzig : Duncker und Humblot, 1895. 897 S.*

¹⁶ *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 71.*

¹⁷ *Дуглас М. Как мыслят институты. М. : Элементарные формы, 2020. С. 107.*

сумы обретают зримую устойчивость, принимая должную форму в институтах политического господства и институтах религиозного порядка. В западной политической теологии (еще с Марка Теренция Варрона) подчеркивалось, что начала государственного аппарата вполне тождественны религиозному истоку и располагаются между идеями господства и спасения¹⁸.

Базис института как юридического лица — принятое властное решение. Такое решение принадлежит правовой перцепции. «Ибо каждая правовая мысль переводит идею права, которая никогда не становится действительностью в чистом виде, в иное агрегатное состояние и добавляет момент, не выводимый ни из содержания правовой идеи, ни из содержания применяемой позитивной правовой нормы»¹⁹, — отмечает К. Шмитт. Вменение осуществляется не с помощью нормы, напротив, именно из вменения рождается норма. Решение — по сути властный, волевой акт. По оценке Т. Гоббса, авторитет (не истина) создает закон²⁰.

Личность института формировалась цивилизационно поэтапно:

- вначале возникает объективная индивидуальность, еще лишенное внутреннего опыта тело, некий социальный автомат («двигающийся согласованным действием своего механизма и представляющий собою исключительно систему органов, являющихся индивидуумами или группами индивидуумов»²¹);
- затем образуется юридическая субъективная субстанция со всей соответствующей данному статусу правовой символикой.

Персонификация института оказывается возможной в силу того, что он является объективной социальной организацией, обладающей суверенитетом власти и юридической автономией. «Юридическая корпорация объективного института представляет собой абстрактную

реальность чисто психологического порядка»²². Институт демонстрирует средоточие воли, интересов, функций. Эти признаки характерны (в различных масштабах) для государства и корпораций: интересы и функции проявляются в живых институтах именно в форме власти. Например, М. Ориу усматривал в институте как юридическом организме координированную совокупность систем, абстрактных функций.

В Европе XVII–XVIII вв. государственная централизация выражается в форме дисциплинирования и администрации и формирует новую символику (для идеи «государственного интереса»), перестраивая всю систему старых институтов.

Прослеживается тенденция к мифологизации политических процессов в свете символизма. Обожествление власти распространяется на анонимную фигуру государства. Государство — некое мифическое божество («искусственный Бог» Т. Гоббса или «гигантский сверхчеловек» Э. Сведенборга) — утверждает собственное право контролировать мысли и действия своего народа. Идея реализуется в контексте тотальной секуляризации. Теперь обещанное религией решение задачи по спасению принимает на себя государство.

Секуляризация отвела Церкви только сферу частной жизни, оставив государству все публично-правовые отношения. При этом государство не удовлетворилось частичным решением вопроса о разделении власти. Этатистский абсолютизм и диктатура могли претендовать на полное и всевластное господство: государство стремилось к узурпации божественного атрибута всемогущества. Символ Левиафана — персонификация национального сообщества — способствовал превращению государства в объект настоящего мистического религиозного культа.

Абсолютистское государство присвоило себе мощь религиозного соблазна и господства над

¹⁸ Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. СПб. : Владимир Даль, 2022. С. 52.

¹⁹ Шмитт К. Указ. соч. С. 49.

²⁰ «*Authoritas non Veritas facit Legem*». См.: *Hobbes T. Leviathan, sive, De materia, forma, & potestate civitatis ecclesiasticae et civilis*. Amsterdam : Joan Blaeu, 1668. P. 133.

²¹ Ориу М. Основы публичного права. М. : Издательство Коммунистической академии, 1929. С. 95.

²² Ориу М. Указ. соч. С. 125.

духовной сферой. Верховный правитель вновь наделялся качествами всемогущества и безошибочности. Это были условия для материализации мифического политического воображаемого. Реальная трансформация общества сопровождалась созданием столь же реальных институтов: армии, полиции, бюрократического аппарата. Государство-институт возобладало над государством — символом власти.

Триумф абсолютизма не вечен. И верно: преимущества государственной централизации недостаточны. Если государство желает существовать и далее, необходима внутренняя система автономных институтов, где институты будут играть уже децентрализующую роль²³.

Государственный (политический) режим, сформированный из институтов, основывался на потребности в создании общих интересов для возрастающей в своих масштабах социальной общности. Концентрация первоначальных институтов порождала политическую надстройку в лице единого органа. Государственный режим в известный момент превращается для населения в некий символ, позволяя восторжествовать общей и высшей идее. М. Ориу наделяет государственный режим удивительными свойствами: «Подлинный государственный режим открывает социальной жизни пути в грядущее, но в то же время стремится упрочить это грядущее, заранее связать его с настоящим так, чтобы добиться длительности и вследствие этого устойчивости»²⁴.

Идеалом окажется идея о естественном равновесии между индивидуальной свободой и социальной необходимостью.

Символические трансформации приобретают особое значение в переходные революционные эпохи. Смена символов, однако, может происходить помимо каких-либо заметных институциональных изменений. В то же время базовые институты дореволюционного периода могут сохраняться и совершенствоваться в процессе радикальных социально-политических

перемен. (А. Токвиль уловил закономерность развития истории и говорил так о французах после 1789 г.: «Они преображались и перестраивались в соответствии с обстоятельствами, не меняясь, однако, по существу и беспрестанно вновь являясь перед нами с видом несколько иным, но всегда узнаваемым»²⁵.)

Субъективная личность государства не пропадает в революции, а видоизменяется: вместо смещения юридической личности государства с личностью суверена мы находим отождествление личности государства с нацией.

Государство-институт получило под свою субъективную личность («государство — это я») объективную индивидуальность, называемую нацией. При этом в правовой плоскости продолжают конфликты между субъективной личностью и объективной индивидуальностью: — первая испытывает влияние юридических факторов (законодательства); — вторая вписана в более широкие контексты социального, политического, экономического воздействия. Подобным образом и религиозно-этические факторы влияют на формирование объективной индивидуальности, выраженной в форме гражданского права.

Итак, субъективная персонификация государства стесняла объективную организацию институтов, ограничивая их юридическую личность.

Субъективная личность института нераздельна. Разрывание опыта (всегда одновременно и телесного, и духовного) на чисто биологический элемент и аффективную культурную жизнь приводит к опасным последствиям для общества — утрате моральных устоев. «Норма, которая гласит, что нужно отречься от добра ради спасения добра, так же лжива и противоречива, как и норма, которая ради защиты свободы навязывает отказ от свободы»²⁶.

Тогда и рождается идол, воплощение чистой видимости — симулякр, копия, двойник, стремящийся заменить подлинник. В этом духе М. Ямпольский размышляет о трансформации

²³ Ориу М. Указ. соч. С. 305, 306.

²⁴ Ориу М. Указ. соч. С. 162.

²⁵ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб. : Алетея, 2008. С. 8.

²⁶ Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М. : Ноократия, 2022. С. 36.

политического пространства: «Французская революция на протяжении всей своей истории будет помещать в центр пустоты зеркального пространства символ, аллегория, фетиш, которые будут вписывать в пространство невидимое, элемент слепоты»²⁷.

В идолопоклонстве «человек стремится компенсировать собственную индивидуальную ограниченность посредством знака, представляющего коллективную силу». В частности, тотемы символизируют клан, племя, расу, нацию²⁸. Идол должен представлять собой мощь, превосходящую человека, и эта мощь достигает Абсолюта.

Новые идолы и иконы символизируют проявляющееся в гражданском обществе равновесие между личной свободой и социальной необходимостью. Идол приближает к людям того бога, которому они будут верны, а это могут быть любые политико-правовые концепты: Нация, Государство, Свобода, Республика. Здесь будут и поклонение, и ритуальность, и экстаз масс. А потому «политика всегда порождает идолов, даже по завершении эпохи язычества»²⁹.

Новые символы, освященные государственным интересом, должны подкрепляться и материализовываться с помощью государственно-правовых институтов.

Символистский уклон в политической теории детерминирует фикцию: юридическая персонификация не есть естественный итог процесса организации, а лишь искусственное создание закона. Тем самым исчезает телесность и живая субстанция института; органическое право (право объективных институтов) сменяется насаждаемым правительственной властью неорганическим правом (полицейским правом). (М. Ориу растолковывает эти два понятия так: «Если под органическим правом понимать право, предполагающее наличие социальных орга-

низаций, более или менее предназначенных к персонификации, то приходится признать, что есть также и неорганическое право, которое не предполагает непременно наличия социальных организаций»³⁰.)

Современная эпоха постмодерна на Западе в свете новой политической теории — это «нелегитимность властей, управляющих Землей». Проявляется данная нелегитимность в полной мере: потеряв всякую возможность воспроизвести себя в привычном символическом порядке, власти «обязаны приостановить действие закона и конституционных принципов, которые могли бы его определить»³¹.

Институты заполняют все политическое пространство, способствуя превращению закона в политический инструмент. Справедливость подменяется идеологиями и пропагандой, которые, будучи порождением политической власти, способны приостанавливать, интерпретировать и даже игнорировать закон. Общество тем самым вступает в хроническое состояние чрезвычайного положения. Нейтральность и аморализм политической институциональной технологии превращают закон в пустой символ.

Чрезвычайное положение — норма и репрессивный рычаг, чему сопутствует рождение новой религиозности, столь же неотделимой от государственной политики, что и во времена Средневековья. В этой ситуации «здоровье заменило спасение, биологическая жизнь заняла место вечной жизни, и Церковь, которая давно привыкла идти на компромисс с мирскими нуждами, более или менее явно дала свое согласие на эту подмену»³².

«Зона безразличия», возникающая между законом и политикой в ситуации чрезвычайного положения, порождает такое состояние закона, где теоретически он действует, а факти-

²⁷ Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1 : Возвращение Левиафана : политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М. : Новое литературное обозрение, 2004.

²⁸ Джентиле Э. Политические религии. СПб. : Владимир Даль, 2021. С. 264.

²⁹ Марион Ж.-Л. Идол и дистанция // Символ. 2009. № 56. С. 21.

³⁰ Ориу М. Указ. соч. С. 58.

³¹ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 93.

³² Агамбен Дж. Указ. соч. С. 94.

чески мертв: у него нет ни юридической силы, ни реализации. Парадигма закона заменяется парадигмой расплывчатых формул и оговорок. Закон может применяться «комиссиями и отдельными лицами, врачами или экспертами, которые совершенно чужды правовой системе»³³. Исполнительная власть и администрирование перешагивают через конституционные границы.

Между тем институты в своем большинстве призваны закреплять справедливые отношения: само право покоится на различении справедливого и несправедливого. Высшей формой правовой организации общества служит конституционный режим, обладающий необходимой устойчивостью и легитимностью. М. Ориу дедуцирует: «Божественное право главы государства

составляло монархический принцип, божественное право народа — революционный принцип; божественное право организованной национальной корпорации, членами — участниками которой состоят отдельные личности, является всецело конституционным принципом»³⁴.

Конституция — символ справедливого общества, формальный идеал, который в контексте политической теологии демонстрирует нам ряд ритуальных, сакрализированных действий, таких как клятва, присяга, цитирование в правовых нормах.

Сегодня конституция есть институциональная схема, историко-правовая матрица и действующая супернорма, а благодаря политической теологии она еще и получает свой новый образ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. — М. : Ноократия, 2022. — 144 с.
2. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. — СПб. : Владимир Даль, 2022. — 181 с.
3. Боден Ж. О демономании колдунов. — М. : Chaoss Press, 2021. — 411 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
5. Джентиле Э. Политические религии. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — 400 с.
6. Дуглас М. Как мыслят институты. — М. : Элементарные формы, 2020. — 250 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М. : Канон, 1996. — 432 с.
8. Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. — М. : Институт Гайдара, 2015. — 752 с.
9. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция // Символ. — 2009. — № 56.
10. Ориу М. Основы публичного права. — М. : Издательство Коммунистической академии, 1929. — 760 с.
11. Токвиль А. Старый порядок и революция. — СПб. : Алетейя, 2008. — 248 с.
12. Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — 374 с.
13. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 90–114. — Киев : Ника-Центр, 2010. — 432 с.
14. Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология : сборник — М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. — 336 с.
15. Ямпольский М. Физиология символического. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — Кн. 1 : Возвращение Левиафана : политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. — 807 с.
16. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Ester Band. Allgemeiner Teil und Personrecht. — Leipzig : Duncker und Humblot, 1895. — 897 S.
17. Hobbes T. Leviathan, sive, De materia, forma, & potestate civitatis ecclesiasticae et civilis. — Amsterdam : Joan Blaeu, 1668. — 365 p.
18. Leibniz G. Nova methodus pro maximis et minimis, itemque tangentibus, quae nec fractas, nec irrationales quantitates moratur, & singulare pro illis calculi genus // Acta Eruditorum. — 1684. — P. 467–473.

³³ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 134.

³⁴ Ориу М. Указ. соч. С. 9.

Материал поступил в редакцию 4 января 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agamben Dzh. Kuda my prishli? Epidemiya kak politika. — M. : Nookratiya, 2022. — 144 s.
2. Assman Ya. Politicheskaya teologiya mezhdu Egiptom i Izrailem. — SPb. : Vladimir Dal, 2022. — 181 s.
3. Boden Zh. O demonomanii koldunov. — M. : Chaoss Press, 2021. — 411 s.
4. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. — M. : Progress, 1990. — 808 s.
5. Dzhentile E. Politicheskie religii. — SPb. : Vladimir Dal, 2021. — 400 s.
6. Duglas M. Kak myslyat instituty. — M. : Elementarnye formy, 2020. — 250 s.
7. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda. — M. : Kanon, 1996. — 432 s.
8. Kantorovich E. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoy teologii. — M. : Institut Gajdara, 2015. — 752 s.
9. Marion Zh.-L. Idol i distanciya // Simvol. — 2009. — № 56.
10. Oriu M. Osnovy publicnogo prava. — M. : Izdatelstvo Kommunisticheskoy akademii, 1929. — 760 s.
11. Tokvil A. Staryj poryadok i revolyuciya. — SPb. : Aletejya, 2008. — 248 s.
12. Fyogelin E. Novaya nauka politiki. Vvedenie. — SPb. : Vladimir Dal, 2021. — 374 s.
13. Foma Akvinskij. Summa teologii. Ch. II-I. Voprosy 90–114. — Kiev: Nika-Centr, 2010. — 432 s.
14. Shmitt K. Politicheskaya teologiya // Politicheskaya teologiya: sbornik — M. : Kanon-Press-C, 2000. — 336 s.
15. Yampolskij M. Fiziologiya simvolicheskogo. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. — Kn. 1: Vozvrashchenie Leviafana: politicheskaya teologiya, reprezentaciya vlasti i konec Starogo rezhima. — 807 s.
16. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Ester Band. Allgemeiner Teil und Personrecht. — Leipzig: Duncker und Humblot, 1895. — 897 S.
17. Hobbes T. Leviathan, sive, De materia, forma, & potestate civitatis ecclesiasticae et civilis. — Amsterdam: Joan Blaeu, 1668. — 365 p.
18. Leibniz G. Nova methodus pro maximis et minimis, itemque tangentibus, quae nec fractas, nec irrationales quantitates moratur, & singulare pro illis calculi genus // Acta Eruditorum. — 1684. — P. 467–473.